Воспоминания об А. Д. Александрове
Ю. Ф. Борисов

1. Встреча

Воспоминания об Александре Даниловиче мне писать трудно: они слишком тесно вплетены в мою судьбу, управляемую неведомыми мне законами, и слишком многообразны для выстраивания в одну линию. По примеру любимого Александром Даниловичем классика, начавшего "Войну и мир" с сообщения о "вечере у Анны Павловны Шерер", расскажу о первой встрече с ним.

Это было в самом конце марта (возможно 1-го апреля) 1945 года. Войдя в "предбанник" деканата матмеха Ленинградского университета (факультет находился тогда в главном здании на Менделеевской линии) и рассказав секретарю, что хочу перейти с заочного отделения на дневное (накануне я вернулся из Северодвинска, где жил после эвакуации из Ленинграда в 1942 году), я был представлен для разговора молодому мужчине с рыжими усами. Это был Александр Данилович (в дальнейшем "А.Д."; такое сокращение со временем вошло в моду, хотя я привык употреблять в разговорах более поэтичное и старинное: "Данилыч"). Он оказался в деканате случайно. Но случайность, как мне уже было известно из "Диалектики природы", — форма проявления необходимости. Так было и на этот раз: после недолгой беседы А.Д. выяснил достаточность моей подготовки и предложил находившемуся рядом заместителю декана перевести меня на дневное отделение. Тот согласился после того, как я продифференцировал предложенную им функцию. В результате этой судьбоносной встречи с А.Д. я стал студентом накануне весенней сессии. Помню, как при входе А.Д. в аудиторию (он дочитывал тогда аналитическую геометрию), стоявший рядом со мной студент тихо сказал: "Явление Христа народу".

2. Геометрический семинар

Осенью 1945 г. начал работать геометрический семинар, на котором А.Д. рассказывал свою книгу "Внутренняя геометрия выпуклых поверхностей", существовавшую к тому времени только в виде переплетенных машинописных томов. Об участниках семинара и их деятельности вплоть до отъезда А.Д. в Новосибирск подробно написано в воспоминаниях В.А. Залгаллера. Я же попытаюсь дать некоторые представления о тематике семинара в те годы, определившей особенности "Ленинградской геометрической школы".

С самого начала работы семинара излагались и активно обсуждались геометрические понятия и факты, достаточно легко воспринимавшиеся на интуитивном уровне. Что касается доказательств, то я, например, не всегда успевал следить за всеми их деталями и считал, что владею материалом процентов на 20. Однако, когда А.Д. предложил распространить некоторые теоремы Кон-Фоссена о поведении геодезических на общие выпуклые поверхности, я с удивлением и радостью обнаружил, что могу это сделать. Эти, как сказал А.Д., "вариации на тему Кон-Фоссена", послужили для меня решающим толчком при выборе кафедры (раньше я посещал семинары и других кафедр). К тому времени исподволь уже совершался переход от внутренней геометрии выпуклых поверхностей к теории двумерных многообразий ограниченной кривизны. В связи с этим возник широкий выбор тем для исследований различной степени трудности и на любой вкус. К тому же созданный А.Д. предмет исследования обладал какой-то особенностью, побуждавшей к самостоятельной постановке задач. Так возникли, например, кандидатские диссертации Залгаллера и Борисова и докторские диссертации Решетняка и Залгаллера.

Все это уходило своими корнями к первозданному источнику — выпуклым многогранникам, который А.Д. называл своим "символом веры". В одной его дарственной надписи на книге "Выпуклые многогранники" значилось: "А. Александров, муз избранник, Вам преподносит многогранник".

Говорят, еще Евклид предполагал, что замкнутый выпуклый многогранник определен своей разверткой (набором многоугольников, из которых "сделаны" грани, с указанием закона их склеивания) с точностью до конгруэнтности, но доказать это удалось лишь в 1813 г. знаменитому французскому математику Коши. Через 130 лет без малого, за этой "теоремой единственности" последовала теорема А.Д. о необходимых и достаточных условиях существования замкнутого выпуклого многогранника с данной разверткой, приведшая к аналогичной теореме для выпуклых поверхностей и вытекающей из нее знаменитой "теореме о склеивании", сводившей труднейшие вопросы теории изгибания поверхностей к задачам элементарной геометрии. Наконец, еще один фундаментальный результат о многогранниках был получен уже после отъезда А.Д. в Новосибирск: в докторской диссертации Ю.А. Волкова, защищенной в 1968 г., была решена проблема Кон-Фоссена об оценке деформации замкнутого выпуклого многогранника через деформацию его развертки. Разумеется, кроме упомянутых теорем есть много других работ о многогранниках и список их продолжает пополняться.

Из сказанного видно, что именно работы А.Д. с развитыми в них методами и постановками задач обеспечили плодотворную деятельность семинара и быстрый рост создаваемой А.Д. школы в начальный период. Положение несколько изменилось к началу пятидесятых годов, когда на первый план выдвинулась классическая проблема однозначной определенности (неизгибаемости) замкнутых выпуклых поверхностей, имевшая длинную историю. Она была решена А.В. Погореловым сначала частично (в его докторской диссертации), а вскоре и в общем виде. Однако, оставался другой вопрос: можно ли замкнутую гладкую выпуклую поверхность, например, сферу, изогнуть без нарушения гладкости? (с нарушением гладкости это сделать легко: достаточно отрезать "горбушку"" и заменить ее зеркальным отражением в секущей плоскости). Интуиция, опирающаяся на твердость целлулоидного шарика с тонкой стенкой, подсказывала отрицательный ответ. Не знаю почему, но у меня возникла уверенность, что

когда-нибудь я пойму, в чем тут дело. Однако, все попытки доказать даже некоторую вспомогательную гипотезу проваливалась. И тут произошло неожиданное. Будучи в Швейцарии на юбилее теории относительности, А.Д. рассказал известному математику Хопфу о безуспешности наших усилий, а тот посоветовал обратиться к работе Нэша о C^1 — вложениях римановых пространств в евклидово. В конце этой работы было замечание, из которого легко следовала, в частности, изгибаемость сферы с сохранением гладкости. Расценив сложившуюся ситуацию как чрезвычайную, А.Д. попросил Ю.А. Волкова привести мне статью Нэша (дело было летом, и я, ни о чем не подозревая, жил на даче). Прочтя статью, я в тот же день понял, что вспомогательная гипотеза о гладкости кратчайших на гладкой поверхности с "хорошей" метрикой тоже неверна и освободился от напрасных стараний. Похоже, что рука судьбы продолжала действовать тем же способом, что и в 1945 г.

Через пару лет мне удалось частично реабилитировать геометрическую интуицию, доказав, что при изгибаниях замкнутой поверхности положительной кривизны (в частности, сферы) степень ее гладкости меняется скачкообразно и дать предварительные оценки скачка, установив, что изгибание в классе $C^{1,\alpha}$ невозможно при $\alpha > 2/3$ и возможно при $\alpha < 1/13$. Гипотеза о точной оценке скачка, существующая до сих пор, такова: неизгибаемость при $\alpha > 1/2$, изгибаемость — при $\alpha \leq 1/2$.

А.Д. весьма поощрял попытки доказательства или опровержения этой гипотезы, но советовал представить диссертацию, сказав при этом: "Если бы каждый ставил защиту своей диссертации в зависимость от доказательства гипотезы Римана, никто бы до сих пор доктором не был". Вообразив мир, в котором нет ни одного доктора, я подал диссертацию и защитил ее в мае 1962 г.

В 1963 г. А.Д. принимает предложение переехать в Новосибирский Академгородок. О предшествовавших этому решению событиях, связанных с деятельностью А.Д. на посту ректора Ленинградского университета, рассказано в воспоминаниях В.А. Залгаллера. По

странному стечению обстоятельств в тот же год у меня возникает ситуация, выходом из которой представляется аналогичное перемещение на восток. По совету А.Д. и при его решающем содействии осенью 1964 г. я переезжаю в Академгородок. Линия судьбы продолжилась в том же духе...

3. Хроногеометрия

Это началось еще в 1953 г. в Ленинграде, когда появилась снискавшая со временем широкую известность статья А.Д. Александрова и В.В. Овчинниковой "Замечания к основам теории относительности" (библиографические данные имеются в содержащем 71 название списке литературы к статье А.К. Гуца "Семинар "Хроногеометрия" Новосибирского университета и исследования по основам теории относительности", депонированной во ВИНИТИ; В.В. Овчинникова — ученица А.Д.). В этой статье доказано, что преобразования четырехмерного пространства — времени Минковского, сохраняющие семейство световых конусов, трактуемых, как конусы будущего в пространстве событий, совпадают с преобразованиями Лоренца с точностью до преобразования подобия, соответствующего изменению пространственно-временного масштаба. С чисто математической точки зрения главным достижением здесь явился полный отказ от априорных предположений о характере преобразования, включая и предположение о его непрерывности. С физической же точки зрения это означало, что структура пространства событий полностью определена конусами будущего. Вместе с тем событие "Б" может последовать за событием "А" в ходе какого-нибудь процесса только в том случае когда "А" вообще способно хоть как-то повлиять на "Б". Иначе говоря, конус будущего с вершиной в "А" — не что иное, как множество всех событий, на которые событие "А" может воздействовать, то есть событий, причиной которых оно может оказаться. Получается, что пространственно-временная структура множества событий порождена отношением возможного воздействия одних событий на другие и в этом смысле совпадает с его причинно-следственной структурой. Такая трактовка теоремы о конусах, найденная А.Д.,

чрезвычайно воодушевила его (я хорошо помню, как он рассказывал мне об этих вещах, хотя совершенно забыл, почему это происходило в Москве, на какой-то улице и вечером). Ведь речь шла о сущности теории относительности, к тому же выраженной в самых общих понятиях, что всегда радует людей философского склада, каким был А.Д. Он часто говорил о желании узнать, "что думал Бог при сотворении мира". А мир тем временем одаривал его все новыми и новыми заботами, связанными с ректорством в Ленинградском университете. Единственной отдушиной для А.Д. в те годы, по его признанию, была наука, погружаясь в которую он мог на время забывать обо всем остальном.

На тематику ленинградского геометрического семинара теорема о конусах не повлияла, если не считать моей работы 1960 г., в которой аналогичный результат устанавливался для конусов произвольной сигнатуры в пространстве любой размерности. Прямого отношения к основам теории относительности эта работа не имела, однако, в ней делалась очередная попытка "объяснить" четырехмерность пространства-времени, заинтересовавшаю А.Д. (в его формулировке, сугубо философской, это звучало так: "мир четырехмерен потому, что он максимален среди единственно возможных"). Хроногеометрия, как своеобразное направление геометрических исследований, возникла уже в Новосибирский период деятельности А.Д. вместе с научным коллективом из его новых учеников. Подробный рассказ об этом содержится в упомянутой статье А.К. Гуца. Поэтому ограничусь краткой характеристикой возникшего научного направления и его связи с причинно-следственной концепцией пространства-времени.

Прежде всего нетрудно заметить, что в задании отношения воздействия, определяющего структуру пространства-времени, уже фигурирует сильное предположение о наличии в "пространственно-временном континиуме" аффинной структуры, а конусы, задающие отношения воздействия, имеют весьма специальный вид. Смысл этих требований с точки зрения представлений о причинно-следственной связи со-

бытий совершенно не ясен. Вместе с тем существуют убедительные доводы в пользу обязательности двух требований: 1) отношение воздействия является отношением порядка; 2) пространство, упорядоченное отношением воздействия, максимально однородно. Описание всех пространств с указанными свойствами и выяснение их связи с пространством событий теории относительности — такова основная задача хроногеометрии, поставленная А.Д.. И хотя приблизиться к ее решению не удалось, процесс постепенного ослабления требований, наложенных на семейство конусов в исходной теореме, породил серию интересных работ. При этом естественно возник особый круг задач, касающихся изучения отображений, сохраняющих те или иные семейства множеств или свойства фигур (наподобие классический теоремы Дарбу о коллинеациях). Эти работы, выполненные в хроногеометрическом семинаре, но не связанные непосредственно с теорией относительности, также относят к хроногеометрии. На протяжении примерно десяти лет пятеро учеников А.Д., окончивших Новосибирский университет и занявшихся хроногеометрией, защитили кандидатские диссертации, а двое из них (А.К. Гуц и А.В. Левичев) — докторские.

4. Философия

А.Д. был философом по природе. Общие вопросы бытия, устройства мира, сущность человека, смысл жизни и т.п. — все это занимало его с юных лет. Всякий догматизм был ему чужд. В одном из последних интервью А.Д. сказал, что не верит в Бога, но не может утверждать, что его нет. А совсем давно на Университетской набережной говорил: “А вдруг все так, как в Писании сказано: вот поднимется завеса и увидим 12 апостолов...” Я смотрел на крышу Зимнего дворца, где стоят латники в черном, и ждал, когда серое небо поднимется над ними... Мое пристрастие к гегельянщине (в 1943 г. в Северодвинске я прочел в библиотеке 80 страниц “Науки логики”) пришлось А.Д. по душе: он любил “проклятую диалектику”. Например, понравилось ему мое определение: “Собака как таковая называется псом”, которое он некоторое время спустя почему-то приписал Залгаллеру...

Когда нависла угроза “сессии ВАСХНИЛ в математике”, А.Д. не только был одним из главных авторов “защитной” монографии “Математика, ее содержание, методы и значение”, о которой написано в воспоминаниях Залгаллера, но и организатором философского семинара на ленинградском матмехе, где проводилась открытая дискуссия с разоблачителями “формализма в математике”. Большая аудитория была набита до отказа, бунтовщики разгромлены, а семинар решили сделать постоянным. Он действовал долго, был интересным и оставил след в памяти многих. Помню, как сравнивая своих учеников с учениками А.А. Маркова, А.Д. сказал: “А у него один ученик — Шанин, ныне разоблаченный как формалист...” Еще он вспоминал, как секретарь Василеостровского райкома, получивший донос на формалистов и сбитый с толку непонятностью обвинения, жаловался: “Говорят, у вас некоторые даже занимаются топологией”.

Выступал А.Д. и на философских семинарах физиков, в том числе в Москве (об одном из таких выступлений и его отдаленных последствиях рассказано у Залгаллера). Вообще А.Д. любил говорить перед широкой аудиторией на самые разные темы. В Новосибирске его приглашали и в училище МВД в связи с моральным кодексом строителя коммунизма, и, кажется, в Медицинский институт (здесь я, возможно, ошибаюсь, но твердо помню, что один студент-медик заявил А.Д.: “Классового врага лечить не буду!”). А.Д. рассказывал, что некоторые называют его “коммунистическим попом”. Будь это так, его бы давно лишили сана за свободомыслие. Собственные философские взгляды А.Д. постоянно развивались и он это фиксировал. Так вспоминая юношеские впечатления от философских статей Пуанкаре, когда-то приводивших в восторг, А.Д. поражался потом, как можно было не заметить несостоятельности проповедуемого в этих статьях “конвенционализма”. Само собой, А.Д. руководил философским семинаром Института математики Сибирского отделения Академии наук. Хотя работа семинара была согласно общему постановлению включена в план Института, стиль семинара благодаря А.Д. оставался совершенно вольным. Кроме того долгое время действовал и

“частный” философский семинар в Доме ученых, руководимый А.Д. и И. А. Полетаевым (известным кибернетиком, инициатором дискуссии о “физиках и лириках”). Тематика этого семинара могла бы соответствовать лозунгу: “Больше внимания разным вопросам!” Чего там только не было: и сообщение “О безнравственности позитивизма”, и рассказ приглашенного И.А. Полетаевым профессора-психиатра о болезнях совести, и “закон саморазвития нетревожимых сущностей” в связи с математическим описанием закономерностей, устанавливаемых экспериментально. Большой популярностью пользовались и философские доклады А.Д. в клубе межнаучных контактов (в Доме ученых).

За философскими выступлениями А.Д., не говоря уже о статьях, всегда стояла огромная работа. Вспоминается, что еще в Ленинграде, в период дискуссии о статье А.Н. Колмагорова “Аксиома” для БСЭ, придя к А.Д., я увидел рукопись под названием “О теоретико-множественном идеализме” объемом в 60 страниц, написанную за одну ночь...

Насколько близко к сердцу принимал А.Д. философию можно судить, например, по такому высказыванию: “Кант безусловно прав, только он дурак!”...

Потребность философского осмысления всего окружающего сочеталась у А.Д. с полной непредвзятостью суждений о чудесах, называемых теперь “паранормальными явлениями”. Он ничего не отбрасывал “с порога”, стремясь к объективности и всесторонности рассмотрения подобных вещей. Например, А.Д. пошел навстречу энтузиастам, предлагавшим открыть в Ленинградском университете лабораторию по изучению телепатии, хотя и сомневался в справедливости соответствующих гипотез. При этом А.Д. считал вероятным, что с проблемой телепатии произойдет то, что уже было с теоремой электричества: со временем выяснится, что источники телепатических эффектов так же вездесущи, как электроны...

Более давним соприкосновением А.Д. с отражениями чудесного в человеческом сознании было его общение во время войны с привер-

женцем теософии. Рассказывая, как этот человек помещал суп, кашу и компот в единый котелок, считая разделение блюд суетой, и приводя другие, столь же поучительные, примеры воплощения теософских идей, А.Д. попутно сформулировал теософскую концепцию тройственности мира следующим образом: "Тела бывают материальные, духовные и промежуточные; к последним относятся домовые, кикиморы и лешии". В свете этой концепции мне представляется не лишенной оснований недавняя гипотеза о сущности барабашки (полтергейста), согласно которой барабашка — это взбесившийся домовой! Сообщение о безобразиях в Шушарах (пригороде Ленинграда), породивших эту гипотезу, напечатано весной 1997 г. (или 1998 г.) в "Санкт-Петербургском экспрессе". Что же касается сути явления, то промежуточную субстанцию в лице домового естественно предположить носительницей возмущений, подобных бурям на границе тепла и холода...

Приведенный "пассаж" (этот термин часто употреблял А.Д.) может показаться далеким от какой бы то ни было философии. Однако, согласно А.Д. к философии относятся "рассуждения в духе науки" о предметах, пока еще не доступных ей, либо вообще находящихся не в ее компетенции, как, например, вопрос о том, что такое "хорошо" и что такое "плохо". Сущность философии, как явления, весьма занимала А.Д. Определение философии, высказанное А.Д. на одном из последних выступлений в Доме ученых Сибирского отделения Академии наук, таково: "Философия есть осмысление совести".

5. Горы, большие и малые

Летом 1951 г. А.Д., ставший к тому времени мастером спорта по альпинизму, взял меня в горы. Мы летели в Алма-Ату на самолете, с пересадкой в Москве. Пассажиром Аэрофлота я тоже был впервые, а двухмоторный ИЛ-12 (или ИЛ-14) был в то время чудом техники, как пояснил А.Д. в разговоре, касавшемся непредсказуемости судьбы или чего-то в этом роде. Перед посадкой в Балхаше из-за воздушных потоков самолет сильно бросало и мы чувствовали себя не лучшим образом. Выйдя из самолета, я впервые увидел степь, по

которой бежали какие-то псы. А в гостинице, куда нас поместили до продолжения полета, А.Д. изложил мне основы изобретенного им “идеалистического материализма”.

Потом мы оказались в горах Заилийского Ала-тау, в альплагере “Металлург” (в соответствии с путевками). Моя реакция на горы оказалась в высшей степени положительной. Я добросовестно проходил начальную подготовку, а тем временем А.Д. с Сенькиным (учеником А.Д. из Алма-Аты) устроили тайную вылазку наверх, взяв с собой меня. Шли по леднику, на кошках. Увидев, что я плохо владею кошками, оставили меня на камнях у края ледника. Почти дойдя до гребня, Сенькин стал катиться вниз, но вскоре задержался. Тем временем быстро темнело и мы срочно спустились на поляну, к палатке. Степень секретности всего происходившего была строгой и все обошлось.

В горах А.Д. не переставал заниматься геометрией. В тот раз речь заходила об изгибаниях многогранников и предстоящей диссертации Сенькина. Что касается суждений общего характера, то они относились к близлежащей реальности. Так однажды в столовой А.Д. сформулировал новый взгляд на структуру питания, сказав, что в состав пищи входят три элемента: витамины, вкусовина и ингредиент. При этом пояснил необходимость вкусовины на примере червей, в которых есть и витамины, и ингредиент. Услышав это, женщина-инструктор чуть не выбежала из-за нашего стола... Не знаю, есть ли тут предвосхищение современных теорий энзимов и пр., но формулировка почему-то не забылась до сих пор.

Зимой того же года А.Д. приобщил меня и к другим горам — Кавголовским холмам под Ленинградом, где катаются горнолыжники. Сам он, как многие альпинисты, катался на горных лыжах с давних пор и владел техникой поворотов, а при неудачах восклицал: “Напрасные старания со времен Евклида!” (Начало знаменитой цитаты из Лобачевского: “Напрасные старания со времен Евклида, в продолжении двух тысяч лет, заставили меня подозревать, что в самых понятиях еще не заключается той истины, которую хотели доказы-

вать...") Наряду с постоянным старанием в овладении горнолыжной техникой А.Д. прилагал творческие усилия в осмыслении ее сущности и открыл способ совершения поворотов по пологим склонам при умеренной скорости, доступный новичкам (специалисты подтвердили оригинальность этого открытия).

Второй раз я был с А.Д. в горах летом 1964 г., непосредственно перед отъездом в Новосибирск. А.Д., незадолго до этого избранный в академики, совершил в то лето трудное восхождение (мы были на Кавказе в альплагере "Алибек"), а я после тринадцатилетнего перерыва снова прошел начальную подготовку, став, "дважды значкистом".

Прошло семь лет, и снова А.Д. зовет меня в горы. На этот раз — на Памир с экспедицией Ленинградского университета. Летели через Ташкент в Ош, где собиралась экспедиция. Руководство Узбекской академии наук поселило А.Д., а заодно и меня, в небольшую загородную гостиницу, пустовавшую в ожидании прилета делегации ирландских комсомольцев. Обедали неподалеку в столовой, куда, как нам сказали, иногда заглядывал сам Рашидов. Запомнился "спецкефир" и старинный буфет с грифонами (полуорлами-полульвами). А.Д. вспомнил какую-то книгу, где сами грифоны объясняют, что вообще-то их нет, но в крайних случаях они появляются...

Затем был Ош, недельная подготовка к переезду в Хорог по знаменитой автомобильной дороге с самым высоким в СССР перевалом (4665 м), на котором задыхался мотор. Из Хорога к нижнему лагерю (3400 м) добирались на вертолете. Основная группа из молодых альпинистов совершила восхождение на пик Маяковского (6-тысячник), остальные ходили вверх-вниз, ночевали в верхнем лагере (4600 м), где почти не спалось, доходили до обрыва на высоте 5000 м с видом на Афганистан. Все это произвело на меня неизгладимое впечатление. Но главным для меня итогом поездки явилось то, что А.Д. выразил так: "Они Вас приняли". Это означало, что я стал неформальным членом альпинистской команды, которая и сама не была формальным объединением. Со временем она сократилась до четырех человек, мы

ежегодно выезжали в Фанские горы (до конца 80-х), встречаясь в Самарканде.

Аналогия между тем, что произошло со мной при участии А.Д. весной 1945 г. и тем, что было летом 1971 г., очевидна.

6. Впечатления

А.Д. как-то сказал: “Человек — это его дело”. Про дела А.Д. многое рассказано и в этих, и в других воспоминаниях. Что же касается влияния А.Д. на людей, непосредственно общавшихся с ним, то источником такого влияния кроме дел, были его слова, вкусы, пристрастия. Вообще все, что “впечатывалось” в память, “впечатляло”. О некоторых своих впечатлениях в указанном широком смысле этого слова я и расскажу в заключение воспоминаний об А.Д.

А.Д. был артистичен. Его лекции и доклады отличались особой “неравнодушностью” к тому, о чем шла речь. О лекциях по истории науки, которые А.Д. читал в конце новосибирского периода своей деятельности, он сам говорил, что это — театр одного актера.

Для студентов А.Д. был очень доступен. В начале ректорства был вынужден отделять “себя, как человека, от себя, как ректора”. Когда на факультете кто-то обратился к нему как ректору, он ответил: “Не знаю, что Вам скажет ректор”.

Не помню, чтобы на Ленинградском матмехе про кого-нибудь из профессоров сочиняли стихи. А про А.Д. его ученик А.М. Заморзаев написал балладу, снискавшую в свое время довольно широкую известность: “Служил Данилыч на матмехе, вставал не рано поутру” и т.д.

Из писателей А.Д. больше всех ценил Толстого и Чехова. Будучи ректором ЛГУ, удивил филологов точной цитатой из “Севастопольских рассказов”, в которой Толстой объявляет своим любимейшим героем правду. А выражение бесконечности и всегдашней незавершенности поисков правды находил в часто цитируемой им фразе из чеховской “Дуэли”: “Никто не знает настоящей правды”.

Ругая Горького, А.Д. хвалил его сказку, в которой один персонаж говорит другому: “Кто зол, тот и глуп”. Из другой сказки любил эпизод, где заяц дразнит котенка, говоря, что у него маленькие уши, тот отвечает: “Зато у меня хвост большой”. Разумеется, А.Д. полностью разделял позицию котенка...

А.Д. резко осуждал Пушкина за недоказанное обвинение Сальери в

отравлении Моцарта и восхищался строчкой “Шел дождь, и перестал и вновь пошел” из “Скупого рыцаря”. Из стихотворных же сочинений Пушкина выше всех ставил “Медного всадника”.

Если на геометрическом семинаре за словами докладчика следовала тишина, А.Д. обычно говорил: “Он рек, и ужас всех объемлет”. Я не мог догадаться, откуда это взято. Оказалось — из “Египетских ночей” Пушкина, где аналогичный эффект сопровождает выступление Клеопатры... Когда же кончался длинный доклад, нередко слышалось: “И этот гордый ум сегодня изнемог!” Это уже из “Маскарада” Лермонтова, которого А.Д. весьма почитал, особенно выделял стихотворение “Сон” (“В полдневный жар в долине Дагестана”).

Лучшими произведениями советского периода А.Д. считал “Золотого теленка” и “Мастера и Маргариту”.

Одно из последних суждений А.Д. по общим вопросам бытия гласит: материальное является основным, а духовное — главным. Следование этому принципу, просвечивающее сквозь дела, слова и пристрастия — таково главное впечатление об А.Д., сложившееся у меня на протяжении более чем полувекового многостороннего и в высшей степени плодотворного общения с ним.